

УДК 130.2

ФАТАЛИЗМ И «НАЧАЛО ИСТОРИИ» В «НЕМЕЦКОЙ ИДЕОЛОГИИ»

© 2013 г.

В.В. Беляров

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

belyarov-valerii@mail.ru

Поступила в редакцию 10.03.2013

Дано критическое понимание начала истории в марксизме. Успешное преодоление пути от абстрактного к конкретному не гарантирует корректного решения проблемы начала истории.

Ключевые слова: начало истории, потребности, конкретное, абстрактное, панпрактизм.

К. Поппер в работах «Нищета историцизма» и «Открытое общество и его враги» дал своеобразную характеристику некоторым фундаментальным положениям марксизма. Он показал, в частности, как «историзм», будучи вдохновляем фатализмом, оборачивается «историцизмом». К. Маркс верил в «неумолимые законы» природы и исторического развития» [1, с. 277]. К. Поппер обратил особое внимание на то, что свою веру в «естественный закон», определяющий развитие общества, и в «естественные фазы» последнего, которые невозможно «перескочить» или «отменить декретами» [2, с. 10], К. Маркс обосновал с выдающейся обстоятельностью. Мы же хотим отметить, что в большей степени подобный фатализм дает о себе знать в представлениях немецкого философа, касающихся начала истории. В «Немецкой идеологии» фатализм предстает в наиболее радикальной форме «зажатыя» начала исторического процесса: история *должна* была начаться и поэтому она началась. Подобная установка может быть связана с особым рода знанием и с особым отношением к этому знанию, которое мы характеризуем как «панпрактизм». Пока это лишь термин. При помощи него, однако, вполне адекватно передается важная сторона марксизма.

Скруплезно разобрав гегелевский «панлогизм», К. Маркс сделал ставку на *praxis*. Когда умозрительная тотальность чувственно-предметной деятельности предельно возвышается над эмпирической чувственно-предметной деятельностью, *praxis* переходит в панпрактизм.

По словам марксистов, исчерпывающий ответ на вопрос о возникновении «продукта сверхличной полезности», например, в «архаическом обществе» или «праобществе» легко обнаружить уже в ранних трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Однако последующие интерпрета-

ции самих же марксистов, напротив, свидетельствуют о недостаточности этого ответа.

Согласимся с мнением Р. Арона, что «мысль Маркса настолько богата, что допускает всевозможные толкования-измены» [3, с. 572]. На наш взгляд, в «Немецкой идеологии» говорится не о том, *из-за чего* понадобился избыток «продукта», а о том, что «сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения *ведут к новым потребностям*, и это порождение новых потребностей является *первым историческим актом*» (курсив наш. – В.Б.) [4, с. 27]. И далее выясняется, что «баранье, или племенное, сознание получает свое дальнейшее развитие благодаря *росту производительности, росту потребностей* и лежащему в основе того и другого *росту населения*» (курсив наш. – В.Б.) [4, с. 30].

Трудно не заметить, что авторы не сочли нужным проигнорировать, обойти проблему начала истории в работе, посвященной преимущественно иным вопросам. Для нас важно, что *простое воспроизводство «старых» потребностей* оказалось понято К. Марксом и Ф. Энгельсом как *производство «новых», собственно человеческих потребностей, которые нельзя свести к животности*. За генезис этих новых потребностей и развитие сознания тут делается ответственным рост производства самих первичных потребностей. Порождение новых потребностей вызывается лишь удовлетворением старых, что совсем не согласуется, кстати, с важным тезисом К. Маркса из «Нищеты философии»: «Именно дурная сторона, порождая борьбу, создает движение, которое образует историю» [5, с. 143]. Если прогресс происходит от «дурной стороны», от негатива, с чем трудно не согласиться, то как удовлетворение природных потребностей, т.е. то, что сразу же устраня-

ет первичную потребность, могло оказаться первым актом истории?

Как верно заметил А. Кожев, «осуществляя свое желание, животное уничтожает его как таковое: заполнив свою пустоту, оно замещает отсутствие на присутствие»; животное «желающее существо, т.е. природная и материальная реальность и *ничего* более: его желание (т.е. отсутствие этой реальности) рождается лишь с тем, чтобы исчезнуть, чтобы стать присутствием той же самой реальности» (подчеркн. нами. – В.Б.) [6, с. 297]. Но К. Маркс и Ф. Энгельс полагали, как видно, что *процесс* удовлетворения потребности не просто устраняет ее («старую») и тем самым оставляет *собой*, а *производит* вместе с этим «новую» потребность. Если бы речь шла об обычной ненасытности, с тезисом немецких философов можно было бы и согласиться. Но ведь они пытаются утвердить «новизну» потребностей, т.е. то, что сегодня можно назвать соответствующим процессу сапиентации.

Поэтому и т.н. орудийно-трудовая концепция антропогенеза исходит из сомнительного положения, будто посредством примитивных орудий и удовлетворения с их помощью «первичных потребностей» порождаются новые потребности. А это якобы вело к следующим модернизациям и развитию сознания. Да, новая потребность, по-видимому, действительно должна была появиться, но К. Маркс и Ф. Энгельс, повторимся, пробивая место для некоторого множества новых потребностей, на самом деле смогли сказать только о старых, «природных», «первичных» потребностях.

К. Маркс, позиционируя себя как «историк-практик», сталкивается с серьезными затруднениями. Историческая практика человека в самом полагавшем ее начале заменяется повторяемостью, тавтологией. Получается, что будто бы уже начавший вращаться маховик истории ничего не движет. И «производство» новых потребностей оказывается, таким образом, совершенно «бесприбыльным».

Сообразуясь с этим *не-началом* истории, нельзя говорить и о возможности актуального коммунизма, так как принципиальным его условием является именно «действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние» [4, с. 34]. Но «теперешнее состояние» доисторического существования К. Марксу и Ф. Энгельсу вряд ли удалось сдвинуть с места. Определив на скорую руку, «зачем?» история началась, они не задумались над тем, что у них творить ее оказалось *не из-за чего*. Начало истории они нам только посулили. Их «творец» ис-

торического движения остался без потрясения биологического фундамента. *Потребности в пище, укрытии и продолжении рода оказались у них той единственной «дурной стороной», какую надо было преодолеть, чтобы начался прогресс.* Но процесс этого преодоления привел у них не к бесконечному повторению привычных процедур, что только и могло произойти в той доисторической действительности, какая описана в «Немецкой идеологии», а вызвал якобы качественный перелом, начало истории.

Необстоятельное высказывание К. Маркса и Ф. Энгельса относительно «первого акта истории» не может быть оправдано и с учётом комментариев Л. Альтюссера. Он пишет, например, что «в "Немецкой идеологии" мы сталкиваемся со зрелищем распродажи отданных в залог понятий, которые занимают место понятий новых, все еще не оформившихся... и поскольку вполне естественно судить об этих прежних понятиях по их облику, понимать их *буквально*, то легко поддаться заблуждению...» [7, с. 55].

В связи с «эпистемологическим разрывом», который французский философ находит у авторов «Немецкой идеологии», мы можем, вняв подсказке проницательного апологета, предположить имплицитное присутствие новых смыслов за ширмой традиционных понятий. Но нельзя не убедиться, что в контексте проблемы начала истории и культурогенеза «Немецкая идеология» не является «полемическим» произведением. В то же время во всем, что касается уже *функционирующей* культуры и повседневно «производимой» человеком истории, она действительно полемична [7, с. 71]. Другими словами, мы не можем считать К. Маркса и Ф. Энгельса вступающими в полемику по главному, интересующему нас вопросу, поскольку они безапелляционно кратки в своих воззрениях на «начало» истории. Не может быть полемики там, где ее предмет упущен или «снят».

При всей фундаментальности «Капитала» и в нем генезис идеального освещен весьма скупо. А без этого генезиса нет «начала» и нет культуры. Отчасти позицию К. Маркса можно объяснить тем, что, несмотря на задекларированное в «Немецкой идеологии» начало истории, философ относил к «предыстории» всю историю до «эмансипации человека» [8, с. 8]. Анализ этой «предыстории» К. Маркс и посвятил все творческие силы.

Обратим внимание еще на один важнейший тезис немецкого теоретика: общественное бытие людей определяет их сознание [см.: 8, с. 7]. Сознание тут, как пишет В.М. Межуев, есть «осознанная форма творения им <человеком. –

В.Б. > этого мира, его практического изменения, превращающего природный объект в исторический и культурный феномен» [9, с. 31].

Переосмысливая К. Маркса, М. Мамардашвили пишет: «Характер деятельности людей отражается обратно в их сознании в виде определенным образом значащих предметов. Именно таким переворачиванием и очерчивается сознание, в котором реальные структуры получают поле для своего представительства»; при этом «нельзя забывать, что для Маркса не проекция – продукт сознания, а сознание есть обратное присвоение проекции и объективации, совершившихся независимо от индивида, “сработавших” в социальной системе (в качестве создаваемого ею предметного закрепления общественной формы обмена деятельностью, опосредуемой вещами), а теперь читаемых индивидами, которые этим прочтением и развивают в себе внутреннее измерение сознания» (курсив наш. – В.Б.) [10, с. 228]. Источником данных суждений и оценок послужило, видимо, знаменитое высказывание классика, что «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [2, с. 21]. Оно, думается, одно из тех, по поводу гносеологической перспективности которых А. Мегилл сказал: «С моей точки зрения, трудность распознавания того, что имел в виду Маркс под различными каузальными утверждениями, формулируя свою “материалистическую концепцию истории”, есть своего рода *проблесковый маячок*, показывающий, что эта концепция не есть просто собрание объяснительных предложений» [11, с. 234].

Другими словами, многое в концепции немецкого философа остается за *горизонтом*, который, тем не менее, как бы тотально включен им в производственную практику. Скажем поэтому: как же было последователям не заглянуть за горизонт, талантливо указывающий у К. Маркса на перспективу. Поэтому понятие о тотальности и связываемой с ней определенного рода первичности и изначальности чувственно-предметной деятельности органично присуще марксизму. Если у основоположника этот «практизм» обнаруживает себя сравнительно редко и как интенция, то у последователей он становится действительно тотальным, «панпрактизмом»: чувственно-предметная деятельность рассматривается альфой и омегой «начала».

С ремаркой М. Мамардашвили никак нельзя увязать позицию классиков марксизма о причинах, принудивших заработать «механизм» со-

знания, и заработать настолько интенсивно, чтобы получить признаки собственно человеческого и начать историю культурного развития. Мы можем только предполагать, например, характер деятельности тех пралюдей, которые обладали «бараньим» сознанием. Но уже должны себе представить тот «образ значащих предметов», каким могла наделяться особь, состоящая в группе особей с «бараньим» же характером деятельности. Ведь именно такое представление полностью соответствует теории К. Маркса и Ф. Энгельса о приоритетном месте «производства» людьми своей жизни, которое формирует сознание последних.

Откуда могло взяться, скажем, «сверхчувственное свойство вещей» при обстоятельствах «тавтологии» потребностей, рассмотренной выше? Очевидно, что *из-за* этого замкнутого круга «биологии» такое «свойство вещей» появиться не могло. Соответствующее же этому «внутреннее измерение сознания» должны были «развить» в себе индивиды: если даже допустить, что «обратное присвоение проекции и объективации» уже сработало в социальной системе (что без *подготовленной* особи практически невозможно), то *пассивный* (иначе нельзя тут понимать высказывание М. Мамардашвили) индивид, «прочтя» все *это*, при *том* же и останется. Получается, что сам по себе *процесс* «прочтения» продуцирует сознание и мышление, а то, что при этом «читается», содержание прочитанного, значения не имеет. Но ведь как раз проблема содержания сознания и должна являться главной согласно орудийно-трудовой концепции в вопросах антропогенеза и культурогенеза, поскольку в ее рамках настаивается на полном преобладании «другого» над «самостью» и на приоритете коллективного аффекта перед индивидуальным действием.

Резюмируем. К. Маркс и Ф. Энгельс, не показав правдоподобно и подробно возможного выхода из пункта «биологии», не сделав и первого шага, отбросив в данном случае всякую научную корректность, скачком достигли «истории», и лишь только затем, действительно, как написал К. Маркс в «Предисловии к французскому изданию» «Капитала», стали карабкаться по каменистым тропам науки [см.: 2, с. 25]. Не подобный ли этому способ решения теоретической проблемы и называется *заклинанием*. И преувеличением кажется поэтому уверенность Э.В. Ильенкова в том, что у К. Маркса «практика человечества» взята «во всем ее историческом объеме» (курсив наш. – В.Б.) [12, с. 625]. Это, быть может, и так, если только во-

обще вывести проблему начала истории за сферу гуманитарного знания. А по факту: если в эпистемологически переломной (согласно Л. Альтюссеру) «Немецкой идеологии» авторы, говоря о начале истории, остаются, тем не менее, в «еще» биологии, то в «Капитале», указывая в сторону этого же начала, К. Маркс повествует об «уже» культуре. Но это можно разглядеть только при условии, когда зарождение идеального или культуры не становится поводом к идеологическому *развитию* идей классиков. Умозрительный бросок выдающихся борцов со спекулятивной философией в историю людей в «Немецкой идеологии» в немалой степени по-видимому, послужил примером для нетерпеливого влечения большинства марксистов к смене наличествующего социального строя. А это и есть панпрактизм во плоти. Перед лицом стоявших перед ним исторических задач К. Маркс имел полное право уделить «началу» столько внимания, сколько уделит. Действительно, «Марксу надо было *отрицать капитализм*, бороться с ним, чтобы познать *его тайны*» (курсив наш. – В.Б.) [13, с. 11]. Другое дело, что, настаивая на тотальности «практики», К. Маркс открыл своим адептам возможность считать сознание в самом его зарождении чем-то вроде уполномоченного по решению разнообразнейших забот *существования*. Однако уже в самом «общественном» процессе зарождения сознания, видимо, закладывались заботы по освоению идеальных потребностей. В их освоении удовлетворение потребностей в пище, жилище и т.п. могло играть важную служебную роль, но уже нерешающую.

Список литературы

1. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона; Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Пер. с англ. К.: Ника-Центр, 2005. 800 с.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. 908 с.
3. Арон Р. Неоднозначный и неисчерпаемый // Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический Проект, 2010. 775 с.
4. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. 1955. 630 с.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. 1955. 615 с.
6. Кожев А. Атеизм и другие работы / Пер. с фр. А. М. Руткевича и др. М.: Практикс, 2006. 512 с.
7. Альтюссер Л. За Маркса / Пер. с франц. А.В. Денежкина. М.: Практикс, 2006. 392 с.
8. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. 1959. 770 с.
9. Межуев В.М. Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему. М.: Культурная революция, 2007. 176 с.
10. Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 288 с.
11. Мегилл А. Карл Маркс: бремя разума. Научная монография / Перевод с английского М. Кукарцевой. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. 336 с.
12. Ильенков Э.В. Способ восхождения от абстрактного к конкретному в «Капитале» К. Маркса // Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический Проект, 2010. 775 с.
13. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. (Проблемы палеопсихологии). Под ред. Б.А. Диденко. М.: ФЭРИ – В, 2006. 640 с.

FATALISM AND «THE BEGINNING OF HISTORY» IN «THE GERMAN IDEOLOGY»

V.V. Belyarov

The article made the critique of understanding the beginning of history in Marxism. The author shows that successful overcoming of the way from the abstract to the concrete does not guarantee the correct decision of problem to the beginning of history.

Keywords: the beginning of history, needs, concrete, abstract, panpractism.